

УДК 811.11

И.В. КУДРИН

(ivanhelsing27@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В РОМАНЕ В.С. МАКАНИНА «АСАН»*

Анализируются особенности образной системы в романе В.С. Маканина «Асан», в центре которой образ персонажа, поставленного перед испытаниями, знакомыми читателям по судьбе одного из героев «Кавказского пленного» Л.Н. Толстого, но не выдерживающего трудности, что подтверждают второстепенные и эпизодические действующие лица романа.

Ключевые слова: автор, образная система, персонаж, рассказ, роман.

Роман «Асан», опубликованный в 2008 г., вызвал широкий резонанс в литературной среде, особенно среди тех, кто писал о чеченских войнах с позиции непосредственного участника боевых действий. Так Аркадий Бабченко в своей статье об «Асане» В.С. Маканина с подзаголовком «Фэнтези о войне на тему “Чечня”» высказывает резкое несогласие с признанным мастером: «начав читать, уже на первой странице, споткнулся о ляп. Затем еще один. Затем еще и еще. На десятой просто закрыл книгу» [2, с. 1]. Точность и уместность деталей в романе Маканина не единственный показатель доброкачества художественного произведения, с другой стороны баррикады напоминает литературоведа Владимир Козлов в статье «Экзистенциальный задачник», где утверждается ошибочность взглядов Бабченко. Ошибка уже в том, что, по логике Бабченко, сказки отношения к реальности не имеют [4, с. 1]. Козлов цитирует и резкие высказывания самого Маканина в адрес Аркадия Бабченко, издателя журнала «Искусство войны»: «Я, разумеется, знаю, у меня есть ляпы. Как во всяком трудном, трудовом деле. Есть работа для корректора... Но и Вы должны бы знать, что Ваши познания о Чечне относительно» [Там же], – пишет Маканин, которого интересует не столько мир деталей, сколько «философия» войны, ее нравственная (или безнравственная) составляющая.

Стоит обратить внимание и на сильные позиции М.А. Вершининой, которая, отстранившись от злобы дня, попыталась проанализировать «Асан» в широком культурном контексте, обратив внимание на то, что имя главного героя, Александра Сергеевича Жилина, напрямую связано с богом войны Асаном: «Кровожадный бог войны вновь оживает в образе молодого майора Жилина. Элементы языковой игры в неразрывном сочетании с подлинными реалиями и смыслами способствуют выявлению позиции автора по отношению к этому персонажу, главная характеристика которого может быть выражена формулой “надтреснутое Я”» [3, с. 24]. Кроме того, центральный персонаж по фамилии Жилин в романе противопоставляется Жилину Л.Н. Толстого из рассказа «Кавказский пленник»: у Толстого – выносливый и мужественный офицер, не признающий законов «торга» на крови и самой жизни, у Маканина он – «бензиновый король», тот, кто зарабатывает на войне.

Второстепенные персонажи, встроенные в образную систему романа, образуют три сферы, взаимодействующие, но сформированные на разном расстоянии от центральной фигуры Жилина. В центральном круге, образованном непосредственно вокруг майора, находится две группы второстепенных персонажей: семья Жилина и его деловые партнеры. Первая группа характеризует центрального персонажа как человека, не потерявшего духовной опоры, в жизни которого есть еще что-то, кроме денег. Жилин ждет встречи со своей семьей: *Я вернусь с войны к жене и взрослеющей дочери как-никак с прибытком. Семья...* [6, с. 149]. В то же время обнаруживается некая странность: имени жены не названо. На протяжении всего сюжетного развития автор-повествователь именуется ее чаще всего по функциональной принадлежности, иногда вариативно – *женка*, но никогда не называет по имени. То же

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

самое относится и к дочери. Более того, при обсуждении с коллегами по бизнесу вопросов, так или иначе касающихся семьи, Жилин редуцирует все личностное, что есть в членах его семьи до формулы *у меня жена, дочь и строящийся дом*. Таким образом, *дом* – тоже *член семьи* в смысле обозначения его престижного статуса. Маканин намеренно снижает и романтику вечерних разговоров по телефону: Жилин звонит жене, обозревая «лунный» пейзаж, хорошо знакомый влюбленным персонажам из русской классической литературы. Напомним: у Чехова в «Даме с собачкой» (1898): «Они гуляли и говорили о том, как странно освещено море; вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса»), у Бунина в «Чистом понедельник» (1944): «Дорогой молчала, клоня голову от светлой лунной метели, летевшей навстречу». Маканин трансформирует привычный романтический пейзаж в соответствии с изображаемым временем (общение происходит по мобильному телефону во время второй чеченской войны на Кавказе), выявляя мнимую защищенность «лунной полянки» от военных событий: *Мы – двое – были с ней как раз на моей лунной полянке. Отделенные от войны боярышником. И от всего шумного мира тоже. Надежно отделенные...* [6, с. 108]. Лунный пейзаж позволяет острее почувствовать всепроникающую опасность и изнуряющую абсурдность войны, от которой нет возможности надежно отгородиться ни днем, ни ночью.

В образной системе романа рядом с семьей майора в центральной сфере находятся персонажи, связанные с самым главным для него – с бизнесом и деньгами. Поэтому даже если Руслан «болеет за другую команду» (работая на Жилина, радуется удачным вылазкам чеченцев), он остается «доверенным лицом» главного героя, ценящего в нем умение «зарабатывать» на войне. Сюда же можно отнести и Хворостинина, и Колю Гусарцева, но все они лишь в той или иной мере деловые партнеры, не более, несмотря на то, что они все в одной «горячей точке», никаких дружеских отношений между ними нет. Разве что звенящая в ушах Жилина фраза: *ХВОРЬ РАНЕН* [6, с. 27], – заканчивается мимолетным сожалением о том, что с Хворостининым они мало общались, только махали друг другу руками при встрече.

В отдалении от приближенной к Жилину сфере находятся две другие, друг с другом сюжетно почти несвязанные. В одной – образы стариков, в другой – подневольных солдат. В романе «Асан» старики – это пожилые люди, не утратившие способности с позиций прожитого трезво оценивать сегодняшний день: отец Жилина и генерал Базанов. Отец Жилина – хоть и *пыющийся наш старик*, но с идеями. *Это уж обязательно, что он с идеями. Иначе он и не наш...* [6, с. 41]. Генерал Базанов – *читающий генерал* [Там же, с. 53]. Майор Жилин рассуждает о схожести данных персонажей: *Заговоривший своего прапора, генерал Базанов живо напомнил мне моего отца – один к одному!* [Там же, с. 60]; *Я вдруг увидел, как они разны – и как они схожи... Не старики – поэты!* [Там же, с. 60]. Обоих незнакомых друг с другом героев объединяют мысли не о собственном комфортном существовании под старость, а идеи планетарного или эпохального масштаба, скажем, выношенная генералом теория трансформации имени Александра Македонского в бога войны и денег: *Аслан у чеченцев... Сандро у абхазов... и просто Александр у грузин... Искандер... Скандербег... это все Александры! Это все отголоски былых сражений горцев с древними греками (былых поражений горцев, отметьте, именно так!) ... Следы Македонца, отпечатанные в именах!* [Там же, с. 59]. Особое отношение к подобным старикам, которые без страха *выговаривают* своего рода *тайное тайных*, Маканин выразил еще в «Голосах» 1988 г., где в *банном эпизоде* старики описываются автором не столько со стороны физической немощи, сколько со стороны их мощного внутреннего мира, *закованного* в немощных телах.

Автор-повествователь в «Голосах», наблюдая за стариками, в чем-то отождествляет себя с ними: *Я не понимал, что меня волнует: старики, возможно, в своей совокупности представляли для меня варианты моей старости: буду ли я таким стариком? или таким? – и в конце концов я остановился на двух, которые были примерно моего роста* [7, с. 38].

Маканин постоянно обращает особое внимание на стариков, бунтующих, несогласных с современным поколением «асанов», признающих только власть денег. Это правда: старики Маканина, как

и «распутинские старухи» в русской «деревенской» прозе, являются необходимым звеном в человеческой истории, «позволяющим дать полное представление о глубинной связи времен и поколений» [9, с. 179].

Маканин остается верен себе и проводит линию, связанную с уважительным отношением к старикам вплоть до «Асана», датированного уже началом двадцать первого века. Не изменяя себе, спустя двадцать лет с момента выхода «Голосов», художник обращает внимание читателей на персонажей-стариков, беспокойных, вечно ищущих смысл жизни. Даже суровое время войны и опасная гористая местность на Кавказе не мешает им размышлять о законах человеческого бытия. *И генерал звонил... звонил... звонил!.. Пришлите то. Поищите и пришлите это... Если книжка редка, ксерокопируйте. Это нам важно!.. Это огромный непознанный мир. Все, что связано с историей Чечни... Да и других горских народов-соседей. А ведь генералу Базанову (поговаривали) уже бы не мешало подумывать о мире ином. Генерал был в подходящем возрасте* [6, с. 22]. На фоне старшего поколения, по-молодому активного, озабоченного проблемами окружающих, Жилин выглядит обыкновенным «торгашом», лишённым высоких представлений о мире и человеке в нем.

Вторая удаленная от Жилина сфера персонажей включает в себя образы тех, кого майор за людей-то не считает, но именно они призваны сыграть ключевую роль в его судьбе. Это «подневольные» солдаты, которые отработывают услугу майора (будучи оглушенными взрывом, отстали от уходящей с большими потерями роты, заблудились. Жилин обещал обеспечить возвращение в родную часть). Жилин называет их *шизы-контужики. Из бродячих* [6, с. 44]. Впервые писатель заговорил о солдатской доле на кавказской войне еще в рассказе «Кавказский пленный» (1994), созданном до первой чеченской компании и проливающим свет на отвратительную практику использования солдатского труда в частных, а не в государственных интересах. К сожалению, и в «Асане» Маканин показывает привычность ситуации, когда офицеры используют практически подневольный труд своих подчиненных. Воспоминания Жилина об одном из его знакомых: *с ходу попросил у меня рабочих для стройки дачи. А когда я сказал, что свободных рабочих нет, он здорово огорчился* [Там же, с. 21].

Контуженые не совсем подходят для строительных работ, но из жалости майор разрешает двум беглым солдатам Олегу и Алику отработать месяц грузчиками (до состояния «краснолицых» от непосильной тяжести бочек), чтобы только потом при содействии Жилина попасть в родную часть и избежать наказания. Майор не выполняет своего обещания, постоянно откладывая срок, и в конечном итоге погибает от рук надорванного физически и психически Алика.

Сцена убийства майора чрезвычайно символична: Алик совершает убийство в состоянии аффекта, слепой ярости, так как у него на глазах слились воедино два символа несправедливости и подлости войны, которые коснулись его лично. Это большая пачка *грязных денег*, заработанных *бензиновым королем* на продаже *чичам* армейского горючего, и сам *король*: *Белый лицом, Алик только смотрел и смотрел на майора Жилина. Широко раскрыв глаза* [Там же, с. 193]. Когда-то Алик робко предположил, что у него такая «фобия» – ненависть к большим деньгам, но Жилин отвергает это: *На войне не любят, когда умничают. На войне, чтоб ты знал, не верят в фобии. И я не верю* [Там же, с. 137]. Да, это не «фобия», это приговор солдата предавшему офицерскую честь. Майор пробует оправдаться на смертном одре: *Шиз долбанный!.. Спятил! Ты же убил меня, дурачок стриженный!.. Чего ты напугался?! Этой ... пачки денег?.. Я... Ради вас!.. Я такую колонну разрулил* [Там же, с. 192], – такими словами прощается майор с искалеченным войной солдатом, убившим его.

Безусловно, Вовка/Рубахин из рассказа «Кавказский пленный» и Олег/Алик из романа «Асан» не являются сквозными персонажами, буквально переходящими из рассказа в роман. Об этом говорят несовпадающие имена, несоответствия в фактах биографии (в «Кавказском пленном» солдаты уже представляют собой опытных бойцов, это говорит о том, что события «Асана» происходили раньше), но пара неразлучных солдат, которые кроме ужасов войны терпят на себе потребительские запросы своих командиров, заинтересованных в бесплатной рабочей силе, заостряет в прозе писателя общественно значимую проблему.

«В прозе В.С. Маканина, неизменно обращенной к “болевым” проблемам современности, постоянно осязаемы нервующиеся нити отдаленного и близкого литературного родства, формирующие ту “особую географию памяти” (В.С. Маканин) художника, что связывает его с “большим временем культуры” (М.М. Бахтин) и закрепленными в ней вечными ценностями: истиной, добром, красотой» [10, с. 122]. Вот почему в «Асане» старики и солдаты, лишенные привязанности к деньгам, которую питают Жилин и его партнеры, с периферии перемещаются в центр сюжетного действия, воплощая в себе высшие нравственные качества и привлекая читательское внимание. При всей своей непохожести как внешней, так и внутренней, они, по сути, живут по одним принципам: в финале романа, со смертью Жилина, устанавливаются жизненные принципы стариков, но руками молодых солдат, не терпящих и сегодня насилия над человеческой природой ни за какие деньги.

Литература

1. Амусин М. Не-юбилейное. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/3/amu12.html> (дата обращения: 25.12.2016).
2. Бабченко А. «Асан» Владимира Маканина. URL: http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/text_0240.shtml (дата обращения: 25.12.2016).
3. Вершинина М.А. Автор и герой в прозе В.С. Маканина 1990–2000-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
4. Козлов В. Экзистенциальный задачник// Вопросы литературы, 2010. №1. С. 23–26.
5. Латынина А. Притча в военном камуфляже// Новый мир, 2008. № 12. С. 163–170.
6. Маканин В.С. Асан. М.: Эксмо, 2008.
7. Маканин В.С. Голоса. М.: Правда, 1988.
8. Новая газета, № 95. 2008. 22 декаб.
9. Первалова С.В. Особая география памяти (Образ автора в русской прозе 1970–1980-х гг.: В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, В.С. Маканин). Волгоград, 1997.
10. Первалова С.В. Современная проза В.С. Маканина в большом времени культуры // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та, 2012. № 6. С. 119–122.

KUDRIN I.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FEATURES OF FIGURATIVE SYSTEM IN THE NOVEL V.S. MAKANIN “ASAN”

The study analyzes the characteristics of figurative system in the novel V.S. Makanin “Asan”. The analysis of the controversy around the novel, built up to the scheme supporting characters, is characterized by the main character.

Key words: author, figurative system, character, novel, story.